

О вероятности существования флективного периода в истории внутривидового развития туркменского языка

Мурадгелди Соегов, Национальный институт рукописей Академии наук Туркменистана, Ашхабад, Туркменистан, msoyegov@gmail.com

Ключевые слова: внутривидовое развитие языка, языки флективного и агглютинативного строя, этническая история народа

Key words: the structure development of language, languages of agglutinative inflectional system, the ethnic history of the people

В науке не существуют абсолютные истины, пригодные на все времена и на все случаи природы и общества. Общепринятые когда-то постулаты, теоремы и теории с течением времени устаревают и морально, и материально. С выявлением и последующим накоплением новых фактов на повестку дня исследований выходит не только вопрос о возможности их рассмотрение заново, а становится очень актуальным вопрос о настоящей необходимости иной интерпретации описанных ранее реалий.

В первой части настоящей статьи предпринята попытка проводить этимологические исследования по ограниченному количеству лексем, связанных с ландшафтом местности и природными явлениями в рамках проводимых нами в течение ряда лет разработок по реконструкции древнего аморфно-изолирующего и флективного строя туркменского языка путем анализа слов из разных тематических групп. Это направление представляется нам более продуктивным не только для установления происхождения конкретных туркменских слов в частности, но и для установления более архаичного, первичного состояния внутренней структуры туркменского и других тюркских языков, – в целом. Наш взгляд по данной тематике, но вне связи с внутривидовыми изменениями в языке, и в сугубо «теоретическом» виде был изложен на страницах туркменского академического журнала еще в 1998 году [См. Соегов 2012 (III): 246 – 250].

Как известно, по существующей в современной лингвистике морфологической классификации языков (классификация А. Шлегеля – В. Гумбольдта) по их внутренней структуре (строю) туркменский язык относится к одной из трёх языковых групп мира (в последнее время выделяют четвертую группу – инкорпорирующие, или полисинтетические языки, хотя В. Гумбольдт рассматривал их как подкласс агглютинативных), а именно агглютинативным языкам, в которых грамматические отношения выражаются с помощью аффиксов, легко отличимых от неизменного корня и нередко имеющих еще самостоятельное значение. Наряду с тюркскими (шире: алтайскими) языками в данную группу также входят языки банту, финно-угорские и др.

Группу аморфно-изолирующих языков составляют те языки, которые не имеют ни склонения, ни спряжения и выражают все грамматические отношения при помощи отдельных самостоятельных односложных слов-частиц (напр. вьетнамский, китайский, аннамский и т. д.). В них лексические единицы не имеют деления на части речи.

Языки, обладающие склонениями и спряжениями и выражающие грамматические отношения изменениями самого корня (внутренними и внешними, посредством окончаний, тесно спаянных с корнем), также составляют самостоятельную группу и являются флективными языками (английский, русский, семитские и т.д.) [Кузнецов 1954; Кибрик 1992].

Отдельные лингвисты вслед за А. Шлегелем склонны рассмотреть историю внутреннего развития языков мира строго в следующей последовательности, притом считая первые и вторые как менее совершенные по отношению к третьим. Сначала возникли языки аморфно-изолирующей структуры, а со временем часть их них стала языками агглютинативного строя, и еще позже из числа последних поднялись якобы на новый, высший структурный уровень языки флективного строя [Сепир 1934; Кузнецов 1954; Солнцева 1985; Кибрик 1992; Новое 1970]. Факты туркменского языка позволяют рассмотреть эту «структурную иерархию» в несколько иной исторической последовательности.

Являясь в современном состоянии своей структуры агглютинативным, туркменский язык продолжает сохранять много историко-языковых явлений, характеризующих аморфно-изолирующее и флективное состояние его структуры в древности. Остатки аморфно-изолирующего строя выражаются в туркменском языке прежде всего древней односложной именно-глагольной основой-корнем многих современных слов, которые получили в прошлом собственное семантическое развитие, происходившее иногда по разным направлениям. [См. еще Söyegov 2008]. Тем не менее, сохранившая их форма (звуковое оформление) и общая смысловая нагрузка позволяют рассматривать подобные слова-дубликаты в качестве единой именно-глагольной основы. К данному разряду языковых единиц можно включить лексемы из разных тематических групп, какими являются слова: *göç* “кочевка” и *göç-* “кочевать”; *iç* “внутренность” и *iç-* “пей, принимай во внутрь”; *bol* “много, в изобилии” и *bol-* “быть, становиться”; *oň* (*Işiň oň bolsun!* “Успехов тебе!” – пожелание) “благополучность, удача” и *oň-* “ограничиться с достигнутым, быть в ладах, неплохо устроиться”; *aň* (а:ň) “разум, сознание” и *aň-* (а:ň-) “разуметь, понимать”; *ýar* (ýa:r) (*Ýaryny al* “Бери половину”) “вторая половина (в любви), т.е. одна из двух частей нечто единого и целого”) и *ýar-* (ýa:r-) “разделить (целую на две части)”; *sap* “черенок, рукоятка” и *sap-* “прививать, вдевать”; *ýok* (*bir zadyň ýoku*) “пятно, остатки” и *ýok-* (*ýokuşmak*) “прилипнуть, заразиться” и др. [См. еще Соегов 2010 (I)].

Не затягивая дальше список подобных примеров из других тематических групп, приведем теперь ряд древних односложных именно-глагольных основ-корней, связанных с ландшафтом местности и природными явлениями, которые в определенной степени характеризуют и пустыню: *düz* “ровный, равнина” и *düz-* “поставить чего-либо в один ряд, в единую цепочку, ставить чего-либо ровно один за другим”; *oý* (o:ý) “низменность, углубление” и *oý-* (o:ý-) “вырыть яму, сделать углубление”; *köw* “впадина, местность в Саятском этрапе”; *köw-* “копать под чего-либо, сделать шель”; *ýüz* “лицевая сторона (первоначально *ýeriň ýüzi* – “ландшафт”, *gögüň ýüzi* – “небесвод”) и *ýüz-* “двигаться по поверхности (воды)”; *gat* “слой” и *gat-* “добавить, прибавить”; *ýel* “ветер, воздушный поток, воздух в движении” и *ýel-* (*Махтумкули* – *ýeldim* “я бежал, я был постоянно в движении”); *gar* (ga:r) “снег” и *gar-* (ga:r-) “смашивать”; *doň* “лёд” и *doň-* “превратиться в лёд”; *diň* (*diň salmak* “слушать”, *doňuz diňini salmak* “слушать с потешка” – фразеологизм) и *diň-* (*Ýagyş diňdi* “Дождь перестал идти”) и др.

Как явствует из указанных выше односложных основ, они имели и имеют по настоящее время два типа звукового оформления: “гласный+согласный” и “согласный+гласный+согласный”. Необходимо также отметить, что наряду с наличием именно-глагольного содержания у отдельных из них появились способности выступать в грамматическом значении служебных слов, в частности послелогов. Для примера сравним современное *dek* “спокойно, не беспокоя других” (*Dek gezen dok gezer* – пословица) и *dek* “в подобие, как” (синонимы: *ýaly*, *kimin*, *deý*, *deýin*). В целом все они позволяют характеризовать первичную внутреннюю структуру туркменского языка как аморфно-изолирующую.

Как известно, пустыня Каракумы считается самой молодой из великих пустынь планеты, хотя центральные ее части возникли, возможно, около миллиона лет тому назад. По мнению специалистов, многие из ландшафтов туркменской пустыни возникли за последние несколько тысяч лет, а Западные Каракумы еще позднее – примерно 2,5 тысячи лет назад. Каракумы образованы в основном песчаными отложениями древней Амударьи (пра-Амударьи), протекавшей по этой территории в Каспийское море, а на юге Каракумы сложены осадками рек Мургаб и Теджен. В Каракумах простираются древние и современные потоки и дельты этих и некоторых других, меньших по объему, рек [См. Бабаев 1977; Бабаев 1980; Бабаев 1983]. Именно в этих местах в свое время возникли древние цивилизации – Анау, Джейтун, Маргуш и Алтын-депе [См. Pumpelly 1908; Masson 2000; Сарияниди 2008; Söyegov 2011]. С возникновением, расцветом и угасанием этих великих цивилизаций примерно в 4 – 2 тысячелетиях до н.э. мы связываем те глубокие внутривидовые изменения, которые происходили в туркменском языке в те далёкие эпохи (дописьменные периоды) [Соегов 2010 (II)]. Само же сложное слово “Каракум” (kara “чёрные” и kum “пески”) в значении топонима встречается в дошедших до нас туркменоязычных текстах лишь начиная с VIII века н.э., и впервые зафиксировано в Орхонских надписях (памятник Тоньюкуку). Но это уже был современный (письменный) период в истории внутривидового развития языка.

Пустыня Каракумы и ее непосредственные окрестности содержат много топонимов, в образовании которых участвовали древние слова из аморфно-изолирующего состояния структуры туркменского языка, притом не только лексемы, связанные с ландшафтом местности и природными явлениями, но и слова с другими значениями.

Вторым, промежуточным строем во внутривидовом развитии туркменского языка было его флективное состояние, которое характеризовалось появлением звуковых изменений в составе односложных основ-корней для дифференциации их на имена и глаголы, а также на другие части речи. Таким же образом первоначально происходила семантическая дифференциация одного и того же слова в пределах одной части речи: *gün* “солнце, день” и *tün* “ночь, темнота”; *ýel* “ветер, воздушный поток, воздух в движении” и *ýer* “твердь, земля”; *dag* (da:g) “гора” и *daş* (da:ş) “камень”; *dok* “сытый”, *toý* “пиршества” и *doý-* “насытаться”; *göz* “глаза” и *gör-* “смотреть, действовать глазами”; *bar* (ba:r) “имеется в наличии” и *baý* (ba:y) “имеющий множество чего-либо, богатый”; *dil* “язык” и *diý-* “говорить, действовать языком”; *el* “рука” и *al-* “брать, взять, действовать руками”; *öl-* “умереть, угасать (о свете)” и *öç-* “угасать”, сравните: *öçügsi/ölügsi ýagty* “угасающий свет (о свече)”; *ýyl* “год, лета” и *ýaş* (ýa:ş) “лета (при определении возраста)”; *saç* “волосы” и *seç-* (saç-) “разбросать, сиять лучами (о солнце)”; *ýañ* “звон, эхо” и *jañ* колокол, звонок”; *men* (турец. *ben*, татарск. *min*) “я” и *biz* “мы”; *sen* (татарск. *sin*) “ты” и *siz* “вы”; *dek* и *deý* “в подобие, как” (имеют в настоящее время стилистическое различие) и др. Чередования звуков в виде *g/t*, *l/r*, *d/ş*, *d/t/ý*, *z/r*, *r/ý*, *l/ý*, *e/a* (a/e), *l/ç*, *y/a*, *l/ş*, *n/z*, *k/ý* и другие виды чередования согласных и гласных в составе одних и тех же основ привели к возникновению новых слов, впервые отличившихся друг от друга не только внутренне-семантически, но и по внешней форме, и наряду с другими особенностями данного разряда обусловили переход туркменского языка в своем внутривидовом развитии на очередной флективный строй.

Как известно, флективные языки характеризуются еще наличием наряду с основными морфемами (основами-корнями) также вспомогательных морфем (аффиксов и окончаний). В этих языках флексия почти всегда сочетается с другими формальными средствами выражения значения. В туркменском языке сохранились

многие основные морфемы в сочетании с вспомогательными морфемами, в которых словообразовательное значение выражалось преимущественно внешней и внутренней флексией, то есть чередованием звуков на стрике и внутри морфем. Примеры связанные с ландшафтом местности и природными явлениями: *gowak* “пищера” и *köwek* “отверстие, дыра”; *güney* и *güneş* “южная сторона, под солнцем” (имеют в настоящее время стилистическое различие); *aňýt* “бугор” и *eňit* “склон”; *ast* “вниз” и *üst* “верх”; *уgак* “дальный, в дали” и *узак* “далёкий, далеко”; *top(u)la-* “собирать кучу” и *top(u)rak* “собранное в кучу, почва”; *tolkun* “волна” и *tolgun-* “волноваться”; *güpür-güpür* и *gübür-gübür*; *ýalp-ýalp* и *ýulp-ýulp*; *tark-tark* и *tyrk-tyrk* “мимемы – природные явления”. Слова типа *ekiş* “сев (процесс)” и *ekin* “посевы (результат)” скорее всего относятся к эпохе появления первой земледельческой культуры. Некоторые примеры из других тематических групп: *kişi* “человек, мужчина” и *tişi* “самка, женщина” (Махтумкули); *tabşyr-* “передать, сдавать” и *gowşyr-* “передать лично”; *semiz* “толстый жирный” и *sem(i)r(emek)* “толстеть, становиться жирным”; *kesir* и *kejir* “упрямый” (в настоящее время различаются стилистически) и др. [См. еще Вейисов 1973]. Таким образом, эти и подобные им слова образовались в туркменском языке в эпоху флексии путем чередования звуков: *o/ö,, ý/ş, a/e, a/ü, r/z, l/r, k/g, p/b, a/y, ş/n, k/t, t/g, a/o, b/w, z/r, s/j.*

Флективное состояние языка не препятствовало появлению в нем новых многосложных именно-глагольных основ вторичного образования, в том числе с конечным согласным [ş]: *uğuş* (от *ur-*) “война” и *uruş-* “воевать”; *örüş* (от *ör-*) “поцелуй” и *örüş-* “целоваться”; *tanyş* (от *tany-/tana-*) “знакомый” и *tanyş-* “познакомиться” и др. О древности этих образований свидетельствует то, что первичные основы некоторых из них уже давно не имеют самостоятельное употребление, и для восстановления их требуется проведение специального исследования: *geñeş* “совет” и *geñeş-* “советоваться”; *söweş* “сражение” *söweş-* “сражаться”; *gögeş* “борьба” и *gögeş-* “бороться”; *ýaryş* (ýa:ryş) “соревнование” и *ýaryş-* (ýa:ryş-) “соревноваться” и др. С другой стороны, они соответствуют особенностям флективного строя, ибо в современных языках этой группы основы слов не имеют лексическое значение и самостоятельно не употребляются.

Предлагаемая нами гипотеза при признании его большинством ученых позволит в будущем значительно расширить возможности этимологических исследований в рамках обширной алтайской семьи языков. Укажем лишь одно из направлений в этой области. По мнению некоторых российских тюркологов, например, чл.-корр. РАН А.В. Дыбо (Институт языкознания) и др., общетюркские лексемы алтын, кюмуш и темир (демир) являются древними единицами, заимствованными из китайского языка. Общеизвестно, что слова, заимствованные из языка иной внутренней структуры, этимологически и семантически, а также по другим основным параметрам не поддаются разумному объяснению в пределах системы заимствовавшего языка, а лексемы алтын, кюмуш и темир являются исконно тюркскими (алтайскими), и их можно и следует подвергнуть этимологизации, не выходя за пределы родной языковой семьи. Если учесть еще то, что предки тюрков занимались металлообработкой издревле, и не только железа, но и золота и серебра, то искать основную лексику данной отрасли вне обширного тюркского языкового мира является, по меньшей мере, пренебрежительностью и отрицанием его неиссякаемых богатств и внутренних возможностей.

Рассмотрим данный конкретный вопрос несколько детально. Если Луна и золото имеют общую окраску одного из основных цветов спектра – среднего между оранжевым и зеленым (желтизна), то для Солнца и серебра общей цветовой гаммой являются светозарность, лазурность, белизна, “серебристость”. Это и предопределило в

глубокой древности в сознании носителей праязыка современных туркменского и других родственных языков общую этимологию слов Ай и алтын (ал+тын), Кюн и кюмуш (кюм+уш), которые согласно тогдашнему флективному строю тюркского (алтайского?) праязыка образовались соответственно от единых корней путем чередования согласных й/л (Ай/ал+) и н/м (Кюн/кюм+).

Что касается второй части алтын (ал+тын) и кюмуш (кюм+уш), образованных путем словосложения, то они, являясь исторически самостоятельными лексическими единицами, составляют в тюркской флективной системе соответствующие два ряда однокоренных слов совместно с лексемами: тын (тин) ‘металл’ / тен-ге ‘монета, деньги из металла’ / тан-гыр ‘жесть, жестянка’ / тем-ир (дем-ир) ‘железо’; уш (ыш) ‘свет (из шели)’ / ыш-ык ‘свет’ / уш-юк ‘ясный и логический ум, светлая голова’. Таким образом, алтын (Ай/ал тин) первоначально имел значение ‘металл со цветом Луны, желтый металл’, а кюмуш (Кюн/кюм ыш) – ‘солнечный свет, (металл) со цветом Солнца’.

Подведя изложенному некоторые итоги, можно заключить, что основы всех исконных слов и многие аффиксы словообразования (не считая заимствованные) и формообразования в туркменском языке появились в эпохи его аморфно-изолирующего и флективного строя (структуры).

Исследования последних лет убедительно доказывают, что существующему агглютинативному строю туркменского языка (шире: всем языкам алтайской семьи) предшествовал – как результат развития более древнего аморфно-изолирующего строя – флективный строй, следы и остатки которого изобилуют в современном туркменском языке. Тем не менее, автор, как и в своих выступлениях на международных научных форумах [Соегов 2012 (III): 246 – 250 и др.], не претендует на окончательное решение поставленного им вопроса, а лишь вносит гипотезу для дальнейшего обсуждения в научной среде, хотя азербайджанские лингвисты проф. Ramiz Asker и проф. Ebülfez Guliyev, выступая на страницах международного журнала (Стамбул, Турция), считают ее значительным вкладом в общее языкознание [Asker 2010], которое вряд ли соответствует реальному положению вещей.

Одной из уязвимых сторон нашей гипотезы является то, что в современных языках флективной структуры при словообразовании и словоизменении подвергаются флексии (изменению), в отличие от приведенных нами выше туркменских примеров, в основном гласные, а не согласные коренного слова. Во-вторых, данная гипотеза построена на основе данных одного туркменского языка, что позволяет оппонентам критиковать ее за отсутствие сравнительного анализа. Именно с целью обоснования нашего подхода к проблеме во второй части статьи освещаются узловые вопросы раннесредневековой этнической истории носителей туркменского языка.

Главный визирь и придворный историк государства Хулагуидов (Ильханидов) в Иране Рашид-ад-дин Фазлуллах Хамадани (1247–1318) в главе об огузах и туркменах (“Огузнаме”) своего четырехтомного труда “Сборник летописей” (“Джами’ ат-таварих”), в частности, отмечает: “С течением времени эти народы (т.е. тюрки – М.С.) разделились на многочисленные роды, [да и] во всякую эпоху из каждого подразделения возникали [новые] подразделения и каждое по определенной причине и по поводу получило свое имя и прозвище, подобно огузам, каковой народ теперь в целом называют туркменами [туркман], они же разделяются на кипчаков, калачей, канлы’ев, карлуков и другие относящиеся к ним племена” (курсив наш – М.С.). В другом месте своей работы по этому поводу Рашид-ад-дин пишет, что “всем дядьям и родам, которые к нему присоединились, он (Огуз – М.С.) дал имя уйгур, так как значение этого слова на тюркском языке – соединяться и помогать. Все племена уйгуров [происходят] от их рода. Другое племя он назвал канлы. Племена: кипчак, калач и агач-

эри также происходят от того народа, который соединился с Огузом и смешался с его родом” [Рашид-ад-дин 1952: 74–75, 83].

Хивинский хан и историк Абу-л-Гази Бахадур-хан (1603–1664) пишет во введении следующие слова по поводу написания своего сочинения «Шеджере-и теракиме» («Родословное древо туркмен»): «...туркменские муллы, шейхи и беки прослышали, что я хорошо знаю историю; и вот однажды все они пришли (ко мне) и сказали: «У нас (в народе) есть много (разных списков) сказания об Огузе («Огузнаме»), но нет (ни одного) хорошего: все они (полны) ошибок и друг с другом не сходятся; каждый из них в своем роде». И когда они высказали просьбу: «Было бы хорошо, если бы была одна правильная, достойная доверия история», я уважал их просьбу... Этой книге мы давали название «Родословное древо туркмен»... Теперь мы поведем речь со (всеми) подробностями, (начиная) с Адама и до сего времени, т.е. до тысяча семьдесят первого года (1660–1661 г.н.э. – М.С.), о том, что мы знаем о туркменах и об илях, которые присоединялись к туркменам и которые впоследствии носили имя туркмен» [Кононов 1958: 35–37]. Из этого явствует, что, во-первых, сочинение Абу-л-Гази Бахадур-хана «Родословное древо туркмен» является одним из «Огузнаме», существующих среди народа с давних времен и, во-вторых, в них наряду с рассказами о «исконно» туркменах (т.е. тех племенах, которые являются потомками и последующими поколениями 24 внуков Огуз-хана) имеются также сведения о других этносах, вошедших в состав туркмен в разные периоды истории.

Старые списки «Огузнаме», т.е. эпические сказания о легендарной родословной туркмен и их прародителе Огуз-хане, являясь сборниками исторических легенд, содержат сведения о древней истории, в том числе о военных походах как Мао-Дуна (Модэ-хан, правил в 209–174 гг. до н.э.), правителя азиатских гуннов (хунну), так и Аттилы (400–453 гг. н.э.), правителя европейских гуннов. Как известно, первый переводчик китайских исторических хроник на русский язык Н.Я. Бичурин (Иакинф, 1777–1853) считал могущественного правителя хунну Модэ-хана и древнего родоначальника современных туркмен Огуз-хана одним и тем же историческим лицом. О бурных боевых деяниях Мао-Дуна (Модэ-хана) рассказывается в китайских анналах, часть из них вошла в «Огузнаме» и связана с именем Огуз-хана [См.: Бичурин 1950; Материалы 1968, 1973].

Еще в XI веке Махмуд Кашгарский в своем известном словаре “Диван-у лугат ат-тюрк” неоднократно констатировал, что “Огузы – это есть туркмены” [Atalay 1985: 55], “Туркмены – это есть огузы” [Atalay 1986 III: 412], “Карлуки – отдельны от огузов, но они также являются туркменами” [Atalay 1985 I: 473]. Средневековый ученый отделяет огузских туркмен (Oğuz Türkmenleri) от царствующих в то время тюрок (Hakanlı Türkler), т.е. карлукских туркмен, которые управляли Караханидским государством [Atalay 1985 I: 14].

По некоторым подсчетам, количество туркмен, переселившихся в Малую Азию еще в XI веке, составляло 1,5 млн. человек [Atsız 2008: 12]. Действительно, в средние века туркмены, представляли собой некий суперэтнос. По словам лингвиста-тюрколога профессора Э.В. Севортяна (1901–1978), неслучайно “в те далекие века туркмены в глазах своих соседей представлялись видным народом” [Севортян 1971: 273]. Из современных ученых акад. А.Е. Крымский (1871–1942), вслед за акад. А.Н. Самойловичем (1880–1938), юго-западную группу тюркских языков, куда входят современные туркменский, турецкий, азербайджанский и гагаузский языки, исторически называет огузо-туркменской группой. Он точно определяет также язык письменных памятников VIII века с берегов р. Орхон, называя его «огузским» [Крымский 2007: 28 – 29. См. еще: Соегов 2011 (I): 146 – 150. Об этнониме

“туркме(н)”, который встречается в памятнике Бильге-кагану см. Söyegov 2010: 93 – 94].

Исходя из постулата об идентичности в древности и раннем средневековье не только огузов и туркмен, но и во многом уйгуров и туркмен, карлуков и туркмен, кипчаков и туркмен, мы предприняли попытку установить племенную принадлежность правящего рода ашина в Древнетюркском каганате (Государство гёктюрков), хотя бы предварительно на основе косвенных доказательств [См. еще Соегов 2012 (I)].

Если в науке с более или менее достоверностью установлено, что в Караханидском государстве правили туркмены-карлуки (термин Махмуда Кашгарского), состоящие из племен чигил, тухси и ягма, а происхождение правителей Газнавидского государства связано с племенем кайы, которое является одним из 24-х огузо-туркменских этнических групп, и наконец, Великие Сельджукиды этнически восходят к племени кынык, то знаменитые слова правителя Бильге-кагана «Народ токуз-огузов был моим собственным народом», которые увековечены в каменных памятниках, воздвигнутых в честь Кель-тегина [Северная сторона, строка 4] и самого Бильге-кагана [Восточная сторона, строка 29] [См. Orkun 1986], к сожалению, не дают конкретный ответ на вопрос: какому из огузо-туркменских племен, содержащихся в «Огузнаме», принадлежали правители Древнетюркского каганата?

Одним из ранних источников, содержащих сведения о системе управления государством у древних предков современных туркмен, являются разные списки “Огузнаме”, которые рассказывают об их делениях на бузук/бозок (правое крыло – Гюн-хан, Ай-хан и Ыылдыз-хан) и на учук/учок (левое крыло – Гёк-хан, Даг-хан и Денгиз-хан) в империи Огуз-хана (соответствует хуннско-гуннским государствам Мао-Дуна и Атиллы согласно китайским и европейским источникам). В “Родословном древа туркмен” Абу-л-Гази по этому поводу говорится, что “(Огуз-хан) своим сыновьям сказал: “Вы, трое старших,.. будете называться Бузук. Потомство, которое будет у вас, пусть до самого судного дня также называется бузук. Трое младших сыновей... от сего дня и до скончания мира пусть называются Учук. ...народ пусть сделает государем того, кто окажется [наиболее] способным из потомства бузуков; пусть до окончания мира государями будут лучшие из бузуков. Прочие из них пусть садятся направо, а учуки – налево. Пусть они... до скончания мира довольствуются положением нукеров” [Кононов 1958: 49].

По нашему мнению, некоторые старые списки «Огузнаме», включенные затем Абу-л-Гази в свою «Родословную древу туркмен», содержали сведения о правителях Древнетюркского каганата, а также об их мудром визире Тоньюкуке, правда, в последующем называя его Коркутом [Соегов 2011 (II)].

В настоящее время под именем Коркут в первую очередь подразумевается главный герой эпоса «Книга моего деда Коркуда», который сохранился в двух списках, названных по месту нахождения – Дрезденским и Ватиканским. Мы вслед за Х.Г. Короглы считаем, что наряду с героем указанного выше эпоса, имя Коркут носило еще несколько исторических личностей прошлого [Короглы 1972: 9 – 12]. Одним из них является Коркут из «Родословного древа туркмен» хивинского хана и историка Абу-л-Гази, который составил свое произведение на основе устных и письменных вариантов существовавших тогда «Огузнаме». Труд Абу-л-Гази содержит очень ценные сведения о событиях из истории гёктюрков, вопреки утверждению одного из его исследователей и издателей Р. Реджепова о полном отсутствии в «Родословном древе туркмен» истории Древнетюркского каганата [Abylgazy 1992: 10].

Согласно китайским источникам и самим орхонским надписям мудрый Тоньюкук был главным советчиком и визирем трех правителей – Кутлуг-кагана, Капаган-кагана и Бильге-кагана. Такое важное обстоятельство не могло не отражаться в

«Родословном». В главе «О царствовании Ынал-Йавы-хана», в частности, сказано: «Собрался весь огузский иль во главе с Коркут-ата (в надписях Тоньюкук – М.С.) – сыном Кара-ходжи (из иля) Кайы и ...подняли государем Ынала-Йавы (Кутлуг по надписям – М.С.) из иля Кайы. Визирем у него был Коркут-ата. И что бы не сказал Коркут-ата, Ынал-Йавы не отступал от его слов... Он (Коркут) был визиром при трех государях» [Кононов 1958: 57]. Из каменных памятников со слов самого Тоньюкука также узнаем, что именно он назначил Кутлуга (Илтериша) каганом, который всегда прислушивался к его советам: «Я сказал: “Не пожелать ли мне его каганом?” Я размышлял... Затем, так как Тенгри (Бог) дал мне мудрость, именно я пожелал кагана» [Камень I. Западная сторона, строки 5–6] [См. Orkun 1986]. Как видно из приведенного выше отрывка, данное событие также нашло свое отражение в «Родословном».

Из надписей, высеченных на камне, явствует, когда умер Кутлуг-каган, его старший сын, наследный принц Бильге был малолетним, и поэтому каганом стал его брат Капаган. Китайские источники сообщают, что в последующем передача власти Бильге-кагану была связана с драматическими конфликтами, в решении которых активное участие принимал его младший брат Кель-тигин. Данные исторические факты вошли в «Родословную», но в несколько иной интерпретации: “И еще весь народ, во главе с Коркутом (Тоньюкук по надписям – М.С.), сказал Эрки: «...Садись на место твоего старшего брата Дюели-Кайы (по надписям соответствует также Кутлуг-кагану – М.С.) и правь ханством, а когда Туман (Бильге по надписям, а по китайским источникам Могилян – М.С.) станет джигитом, ты сам прекрасно знаешь, что ты должен ему дать», и сделали Кель-Эрки (Капаган по надписям – М.С.) ханом... Туман стал джигитом. Люди, которые служили еще Дюели-Кайы-хану, обратились к Туману с такими словами: «Царство тебе досталось в наследство от твоего отца. С согласия всего народа оно временно было поручено Кель-Эрки с тем условием, что, когда ты станешь совершеннолетним, оно должно было передано тебе». Туман приказал через одного человека передать эти слова Кель-Эрки. Кель-Эрки, услышав эти слова, передал их Коркуту (Тоньюкук по надписям – М.С.) ...” [Кононов 1958, с. 58-59].

Если в китайских исторических документах рассказывается о вооруженной борьбе храброго воина, славного полководца Кель-тегина – младшего брата Бильге-кагана за передачу престола своему старшему брату, то в «Родословном» подобную миссию выполняет сын Туман-хана – богатырь, удалец и герой Канлы-Йавлы, т.е. «кровавый Явлы».

«Родословном древе туркмен» Абу-л-Гази (следовательно и в тех «Огузнаме», которые легли в его основу) непосредственно туркменская история начинается с рассказов о родоначальнике туркмен Огуз-хане, который по китайским источникам соответствует правителю хуннов Модэ-хану или Мао-Дуну. За тем, как и ожидается, логически следует частично приведенная нами выше история гектюрков (с главы «О царствовании Ынал-Йавы-хана» и далее), а с глав «О царствовании Кара-хана, сына Мор-Йавы» и «О царствовании Бугра-хана» начинается история туркменского государства Караханидов. Далее по хронологии в соответствующих главах расположены рассказы о правителях туркменских государств Газневидов, Сельджукидов и т.д. [Соегов 2012 (II): 281–288].

Подведя итоги вышесказанному по интересующему нас вопросу, можно констатировать, что правители Древнетюркского каганата согласно данным «Огузнаме», если в них действительно нашли свое отражение события из древнетюркской истории, то могли быть родом из огузо-туркменского племени кайы. Ибо реально-исторический образ Тоньюкука в каменных надписях в последующем в новых исторических условиях трансформировался в художественно-эпический образ мудрого старца из «Книги моего деда Коркута». Промежуточным звеном этого

многовекового процесса могут выступать описываемые в «Родословном древе туркмен» события из истории гёктюрков, а именно те события, в которых участвовал Коркут-ата (Тоньюкук). Отличие «Родословного» от каменных надписей в этом вопросе возникло постепенно в ходе трансформации исторической действительности в художественно-эпическую действительность под воздействием последующих, порою и предыдущих событий по законам эпического жанра при формировании народного эпоса.

Сравнительное изучение данных «Родословного древа туркмен» со сведениями из Орхонских надписей позволяет высказать еще одно предположение в отношении правящего клана Древнетюркского каганата. Во втором камне памятника Тоньюкуку высечено предложение с названием трёх божеств, которые обеспечивали гёктюркам победу над своими врагами: «Тенгри (“Небо” – Верховный Бог), Умай (Хумай – женское божество) и Ыдук йир-суб («Священная земля-вода» – Родина-мать) подавить (нам) дали (врага всегда), надо думать» [Камень II. Западная сторона, строка 3]. В другом памятнике записано следующее размышление Бильге-кагана: «На счастье госпожи моей матери, подобной как Умай (Хумай), мой младший брат Кель-тигин возмужал богатырем-молодцом» [Памятник Кель-тигину. Восточная сторона, строка 31]. Хумай изображен в виде птицы (Сфинкс) в бюсте Кель-тегина на его короне.

Из приведенных примеров узнаем, что представители правящего племени – верхушка Древнетюркского каганата наряду с Тенгри и Йир-Суб, которые были общими для всех тюркских племен страны, поклонялись еще третьему божеству – Умай (Хумай). По сочинению «Родословное древо туркмен» Абу-л-Гази Бахадур-хана, которое написано на основе существовавших в то время устных вариантов и письменных списков старых “Огузнаме”, каждое из 24-х огузо-туркменских племен имело свою священную птицу (онгон), а Хумай является божественной птицей племени чепни [Кононов 1958, с. 53]. По нашему мнению, подобное совпадение позволяет также заключить, что главенствующим в Древнетюркском каганате могло быть и племя чепни, современные представители которого проживают в Туркменистане, Турции и некоторых других странах. Можно не сомневаться, что этнические традиции правящего в каганате племени стали основными, главенствующими и оказали большое влияние на традиции других народов и племен, населявших данное государство.

В текстах современных туркменских любовных песен (в основном анонимных) встречается устойчивое сочетание Хумай гёзлим «Красивица ты/ моя с глазами Хумай/Умай». Как отмечает Л.П. Потапов в своей работе «Умай – божество древних тюрков в свете этнографических данных», культ Умай (Умай-эне – куш-эне, Ымай, Май-эне) продолжает иметь место в религиозных представлениях многих современных народов Алтая, который «был в особом почете у социальной верхушки древних тюрков» [Потапов 1972: 268–280, 286], т.е., по нашему утверждению, у огузо-туркменского племени чепни – правителей Древнетюркского каганата (согласно нашей второй версии). Здесь же следует отметить, что одной из ранних работ о культуре Умай у алтайцев является небольшая статья Н.П. Дыренковой, опубликованная в Баку еще в 1928 году.

Проведенное нами исследование может сократить вариантов возможной племенной принадлежности правящего клана в Древнетюркском каганате хотя бы с 24-х вариантов (т.е. 24-х огузо-туркменских племен) до 2-х (кайы и чепни), внося при этом на первый план другой возможности – существование в каганате двухкрылого государственного управления, состоящего из представителей племен кайы и чепни.

Таким образом, не только языковые факты, но и в значительной степени также исторические данные позволяют констатировать о возможности существования

флективного периода в истории внутривидового развития туркменского языка, предшествовавшего непосредственно его современному агглютинативному строю. Ибо, являясь в прошлом суперэтносом, туркмены в свой этнический состав впитывали почти все субэтносы современных тюркских народов.

ЛИТЕРАТУРА

- БАБАЕВ А. Г. Пустыня как она есть. 2-е изд. М., 1983.
- БАБАЕВ А. Г., Фрейкин З. Г. Живая пустыня. М., 1980.
- БАБАЕВ А. Г., Фрейкин З. Г. Пустыни СССР: вчера, сегодня, завтра. М., 1977.
- БИЧУРИН Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.-Л., 1950. Ч. I.
- ВЕЙИСОВ Б. Чередование звуков – один из видов словообразования. На материале туркменского и некоторых других тюркских языков. Автореф. канд. дисс. Ашхабад, 1973.
- КИБРИК А.Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М., 1992.
- КОНОНОВ А.Н. Родословная туркмен. Сочинения Абу-л-Гази [Бахадур-хана] хана хивинского. М.-Л., 1958.
- КОРОГЛЫ Х. Шаман, полководец, озан (эволюция образа Деде-Коркуда) // Советская тюркология. Баку, 1972. № 3.
- КРИМСЬКИЙ А. Ю. Тюрки, їх мови та літератури. Тюркські мови. Київ, 2007. Вип. II.
- КУЗНЕЦОВ П.С. Морфологическая классификация языков. М., 1954.
- МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ СЮННУ (по китайским источникам). Предисловие, перевод и примечания В.С. Таскина. М., 1968 [Вып. I]; М., 1973. Вып. II.
- НОВОЕ В ЛИНГВИСТИКЕ. М., 1970. Вып. V.
- САРИАНИДИ В. Маргуш. Тайна и правда великой культуры. Ашхабад, 2008.
- ПОТАПОВ Л. Хумай – божество древних тюрков в свете этнографических данных // Тюркологический сборник 1972. М., 1973.
- РАШИД-АД-ДИН [Фазлуллах Хамадани]. Сборник летописей [Джами' ат-таварих]. Перевод с персидского. М.-Л., 1952. Т. I. Книга первая.
- СЕВОРТЯН Э.В. Тюркизмы у ранних армянских писателей // Структура и история тюркских языков. Сб. ст. М., 1971.
- СЕПИР Э. Язык. Пер. с англ. М. – Л., 1934.
- СОЕГОВ М. Академик А.Е. Крымский и вопросы огузо-туркменской истории и филологии (к 140-летию со дня рождения ученого) // Східний світ. Київ, 2011. № 3. С. 146 – 150. (I)
- СОЕГОВ М. Некоторые вопросы раннесредневековой этнической истории туркменского народа в свете трудов Л.Н. Гумилёва по этнологии (в порядке обсуждения) // Научное наследие Л.Н. Гумилёва: истоки, эволюция, проблемы восприятия. Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Л.Н. Гумилёва (2 – 3 октября 2012 г.). СПб., 2012. (I)
- СОЕГОВ М. О двухкрылой системе управления государством хазарскими правителями в Итиле (Астрахань) и ее древних тюрко-огузских корнях // Гуманитарные исследования. Астрахань, 2012. № 1 (41). С. 281–288. (II)
- СОЕГОВ М. О родственных узлах тюрков в истории и фольклоре // Вопросы тюркологии. Махачкала, 2011. Вып. 7. С. 158 – 163. (II)
- СОЕГОВ М. Об этимологии лексем ат «конь», тай «жеребенок» и йылкы «табун» (в связи с древней аморфно-изолирующей и флективной структурой языка) // Turkmen horse and horse breeding art of the World. Abstracts of Reports of the II International Scientific Conference. Ashgabat, 2010. Pg. 251 – 252. (I)

- СОЕГОВ М. Связь древних цивилизаций Туркменистана с историей структурных изменений древнего туркменского языка // Урал – Алтай: через века в будущее. Материалы IV Всероссийской научной конференции, посвященной III Всемирному курултаю башкир. Уфа, 2010. С. 293 – 294. (II)
- СОЕГОВ М. Существовал ли флективный период в истории внутривидового развития тюркских языков, непосредственно предшествовавший современному агглютинативному строю? // Основные тенденции развития алтаистики в изменяющихся мировоззренческих условиях. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященный 1150-летию Российской государственности, 90-летию Ойратской автономной области, 60-летию БНУ РА “Научно-исследовательский институт алтаистики им. С.С. Суразакова”. Горно-Алтайск, 26 – 30 июня 2012 г. В 2-х ч.. Горно-Алтайск, 2012. Ч. 2. С. 246 – 250. (III)
- СОЛНЦЕВА Н.В. Проблемы типологии изолирующих языков. М., 1985.
- ABYLGAZY. Şejeri-ýi terakime. (Çapa taýýarlan we sözbaşy ýazan R. Rejebow). Aşgabat, 1992.
- ASKER Ramiz, Guliyev Ebülfez. Türkolojiiyi Geliştiren Türkmen // Kardeş Kalemler Aylık Avrasya Edebiyat Dergisi. Ağustos. İstanbul, 2010. S. 88-89. Sayı: 44.
- ATALAY Besim.. Divanu Lügat-it-Türk Tercümesi. Ankara, 1985. C. I; 1986. C. II; 1986. C. III.
- ATSIZ HOCA'DAN SEÇMELER TÜRK TARİHİNDE CENGİZ VE TİMUR'UN YERİ // Türk Dünyası Tarih Kültür Dergisi. İstanbul, 2008. Sayı: 261 Eylül.
- MASSON W.B. Türkmenistan dünyä taryhynyň aýnasynda. Aşgabat, 2000.
- ORKUN Hüseyin Namık. Eski Türk Yazıtları. Ankara, 1986 (Yeni Baskı).
- PUMPELLY Raphael. Exploration in Turkestan Expedition of 1904. Washington, 1908 (туркменский перевод – Ашхабад, 2005).
- SÖYEGOV Muratgeldi. Anau Medeniyeti ve Devamı Olarak Sümerler: Tengri/ Dingir ‚Sema‘ Oğulları // Kardeşlik Dergisi. Bağdat, 2011. Sayı: 257-258 Mart-Nisan. S. 56-58.
- SÖYEGOV Muratgeldi. Tonyukuk Yazıtının Edebi Tarihi Bir Eser Olarak Değerlendirilmsi: Türkmençe, Rusça ve İngilizce Çevirileri // „Orhon Yazıtlarının bulunuşundan 120 yıl sonra Türklük Bilimi ve 21. yüzyıl“ konulu III. Uluslararası Türkiyat Araştırmaları Sempozyumu 26 – 29 Mayıs 2010. Bildiri Özetleri. Ankara, 2010. S. 93 – 94.
- SÖYEGOV Muratgeldi. Türkmençenin Mantığı Temelleri // Türk Dünyası Tarih Kültür Dergisi. İstanbul, 2008. Sayı: 260. Ağustos. S. 58-60.

Abstract

The paper attempts an analysis of the facts of the Turkmen language to justify the hypothesis of the existence of the ancient structure history of the Turkic (Altaic) languages inflectional system, which was the result of a more ancient amorphous insulating system and preceded modern agglutinative system. In this regard, certain issues are considered ancient, especially the early medieval history of ethnic media Turkmen language.